

Герт Валерий Александрович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры психологии и социальной педагогики, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: valeragert@gmail.com.

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД: ЭТАПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: субъект-объектный анализ деятельности; «доминантность на другого» как мера отношения к природе; цикл деятельностного сбытия человека; индивидуальное бытие человека как со-бытие.

АННОТАЦИЯ. Логика развития онтологии деятельностного подхода в отечественной философии и психологии осуществлялась в направлении преобразовательной деятельности человека. Экзистенциальная перспектива обоснования деятельностного подхода позволяет концепциям А. Н. Леонтьева, Э. В. Ильенкова, Г. С. Батищева, С. Л. Рубинштейна обрести новые импульсы развития в направлении целостности и субъектности индивидуального бытия человека как со-бытия. При этом обвинения в адрес деятельностного подхода, которые обобщили В. А. Лекторский и В. П. Зинченко в 2001 году, во многом снимаются.

Gert Valery Aleksandrovich,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Psychology and Social Pedagogy, Institute of Social Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

ACTIVITY APPROACH: GROWTH OF INTEGRITY AND SUBJECTIVITY OF INDIVIDUAL EXISTENCE AS CO-EXISTENCE

KEY WORDS: subject-object analysis of an activity; «dominating an opponent» as a measure of attitude to nature; a cycle of personal self-realization; individual existence of man as his co-existence.

ABSTRACT. The author argues that the logic of development of ontology of the activity approach in home philosophy and psychology was carried out in terms of reformatory activity of man. The existential perspective of foundation of the activity approach allows the concepts of A.N. Leontyev, E.V. Ilyenkov, G. S. Batishev and S. L. Rubenstein to get new impulses of development towards the integrity and subjectivity of individual existence as co-existence. Thus, the accusations of the activity approach, which were generalized by V.A. Lektorsky and V.P. Zinchenko in 2001, have been overcome in many respects.

Исследование индивидуального уровня бытия человека разрушает созданные и придуманные «заборы» между философией, психологией и педагогикой. Выдерживание «предметной чистоты» этих научных дисциплин, размежевание их по «своим» журналам, диссертационным советам, должностным и функциональным обязанностям специалистов, факультетам вузов, учебникам, учебно-методическим отделениям привело в результате к накоплению различий в категориальном языке, к непониманию и даже непринятию друг друга. Это неблагоприятный результат. Для его преодоления нужны усилия и некоторая научная смелость в постановке задач.

Фельдштейн Д. И., обобщая научные результаты по защитах диссертаций за несколько лет, считает, что «...мы все еще далеки от реальной интеграции научных сил в решении основных проблем педагогических, психологических, физиологических, антропологических, социологических, культурологических исследований, что не позволяет выйти на многие теоретические обобщения». [11, с. 8]. Он приходит к выводу о том, что необходимы «...исследования, направленные на создание концептуальных основ стратегии опережающего развития образования на новых тщательно методоло-

гически проработанных принципах ...» (там же, с. 11).

Каждый из научных подходов делает акцент на каком-либо предметном аспекте своих принципов и способов:

- когнитивный – принципы научности, рациональности, детерминизма, последовательности, преемственности;

- технологический – алгоритмичность, проектируемость, диагностичность, управляемость;

- культурологический – принципы открытости, вариативности, ситуативности, выбора, самостоятельности;

- системный – принципы структурности, функциональности, иерархичности, взаимосвязи, достаточной полноты;

- личностный – принципы развития, социализации, самореализации, целостности, девиации, профессионального самоопределения.

Мы развиваем со-бытийный подход как этап модификации деятельностного подхода, в котором акцент делается на целостность, субъектность, другого в бытии, необратимость, взаимообогащение, событие, смысл, цикличность изменений. Исследуется деятельностное сбытие (экзистенция) самой индивидуальности в процессах индивидуализации, а не «сбытие»

знаний, деятельности, технологий, культуры, социальной среды [12].

Как «второй», «поверхностный» слой изменений (знания, культура, деятельность, технологии, среда) по отношению к индивидуальности человека становится свойствами и проявлениями самой индивидуальности? Мы считаем, что при со-бытийном подходе поиск ответа имеет реальную деятельность перспективу.

Интеграция научных подходов при со-бытийном деятельностном сбытии возможна. Во-первых, в соответствии с антропологическим принципом Л. Фейербаха (единство одного человека с другим, взрослого и ребенка, учителя и ученика) возможно категориальное обобщение, которое позволяет не ограничиваться в исследованиях рамками смыслов предметной деятельности отдельного человека, а обеспечивает возможность надпредметных смыслов развития общающихся и обучающихся, способных к созидательному и творческому сбытию во всех сферах жизнедеятельности, включая и профессиональную деятельность. Во вторых, именно деятельностное сбытие индивидуальности человека в целостности со-бытия позволяет модифицировать традицию деятельностного подхода в философии, психологии и педагогике, сохраняя преемственность и наработки предыдущих исследований, а главное, задать ему перспективу нового категориального оформления.

В. А. Лекторский, оценивая итоги дискуссии философов и психологов по обсуждению деятельностного подхода, на страницах журнала «Вопросы философии» в обобщенном виде представил несколько обвинений против деятельностного подхода.

Во-первых, в противовес «теории отчуждения» и концепции «социализации» в советском марксизме, деятельностный подход не отрицает идеи К. Маркса о предметном удвоении человека в преобразовательной деятельности и поэтому считается «вынужденной формой приспособления к официальной идеологии».

Во-вторых, проблемы феноменологии, герменевтики, постмодернизма, религиозной философии отличаются от интерпретаций с позиций деятельностного подхода, и тогда делается вывод о том, что «деятельностный подход предполагает очень узкое понимание философии».

В-третьих, современная цивилизация весьма опасается насильственной переделки природной среды и считается опасной для существования общества «сама установка на проектирование и конструирование».[6, с. 57–58].

Он считает: «...уподобление внутренних психических процессов трансформированным внешним действиям представляется большим упрощением».[6, с. 60] «Действия, включенные во взаимодействие с другим человеком, не являются теми же, что действия по производству предмета или по изменению объективной ситуации».[6, с. 61] И в конце своей статьи он задает вопрос: «Какой должна быть исходная модель деятельностной теории?»[6, с. 65].

Собственно претензии к «приспособлению», «узости», «упрощению», «насильственным» преобразованиям можно рассматривать не только как пороки деятельностного подхода, но и как «логику этапов» его становления и поиска самодостаточной теоретической модели.

Доминирующей логикой деятельностного подхода являлась логика субъект-объектного анализа. Признанными и оригинальными работами в этой логике являются исследования Э. В. Ильенкова и А. Н. Леонтьева. В основе их деятельностного подхода находится фундаментальная и обоснованная идея К. Маркса об изменении мира деятельным человеком как предметным существом. Именно в изменении и преобразовании мира человеком он усматривал главную особенность деятельности человека.

В ранних философских текстах у К. Маркса позиция по этой особенности деятельностного существования человека обозначена недвусмысленно: «... именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его (человека) произведением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире»[7, с. 566].

Акцент на предметном преобразовании природы характерен взглядам Э. В. Ильенкова и А. Н. Леонтьева. В деятельности человека общие законы изменения природы выявляются как общие законы развития самой природы. «Всеобщие законы изменения природы человеком – это и есть всеобщие законы природы, в согласии с которыми человек только и может успешно ее изменять»[5, с. 228]. Становление природы человеком не только выражает, но и подчеркивает сущностный уровень субъектности человека. Вне изменения природы субъектность человека не может ни проявиться, ни сформироваться, но выявление общих

законов природы и усвоение их как воспроизводство субъектности — это, по-видимому, не одно и то же. «Отдельный индивид всеобщие нормы человеческой деятельности в одиночку не вырабатывает и не может вырабатывать, какой бы силой он не обладал, а усваивает их готовыми в ходе своего приобщения к культуре вместе с языком и выраженными в нем знаниями»[5, с. 227]. Действительно, усвоение отдельным человеком уже выработанных общих законов изменения природы в деятельности возможно, а вот их выработка в процессе изменения природы дело не отдельного индивида.

В. П. Зинченко отмечает одну из причин такой ситуации: «Ведь в школе Леонтьева, в том числе и в его собственных исследованиях, действительным предметом было действие, а не деятельность»[4, с. 71].

В концепции Э. В. Ильенкова в качестве особого внутреннего движения, порождаемого движением человеческой деятельности, рассматривается «идеальность» вещи. Уже не само «сопротивление» предмета деятельности порождает образы, представления, а формы человеческой деятельности. «Человек, и только человек, перестает «сливаться» с формой жизнедеятельности, он отделяет ее от себя и, ставя перед собой, превращает в представление. Так как внешняя вещь вообще дана человеку лишь постольку она вовлечена в процесс его деятельности, в итоговом продукте — в представлении образа вещи всегда сливается с образом той деятельности, внутри которой функционирует эта вещь»[5, с. 224]. Сами формы деятельности и представлены в вещи как ее «идеальность». «Это форма вещи, но вне этой вещи, и именно в деятельности человека, как форма этой деятельности. Или, наоборот, форма деятельности человека, но вне этого человека, как форма вещи»[5, с. 256]. Поскольку «идеальность» вещи порождается деятельностью человека по изменению этой вещи, постольку в изменении вещи, в процессе формопорождения и появляется то содержание, которое порождает взаимоотношения между людьми.

Поэтому при определении личности автору логично предположить, что «она не внутри единичного тела, а как раз вне его, в системе реальных взаимоотношений данного реального тела с другим таким же телом через вещи, находящиеся в пространстве между ними и замыкающие их «как бы в одно тело», управляемое «как бы одной душой»[5, с. 394. См. также с. 227, 249, 269].

Постепенное накопление формопорождающего социального содержания позволяет подходить к развитию человека как историческому явлению. Исторически происходит расширение жизненного пространст-

ва человека, его «коллективного тела («ансамбля социальных отношений»), частичкой и «органом» которого и выступает каждый отдельный человеческий индивид»[5, с. 394]. Тогда разница между сущностью и существованием человеческой личности заключается «между всей совокупностью социальных отношений (которая есть «сущность человека вообще») и той локальной зоной данных отношений, в которой существует конкретный индивид, той их ограниченной совокупностью, которой он увязан непосредственно, через прямые контакты»[5, с. 394].

Очевидно, что исторически все более значимыми становятся процессы усвоения и освоения накапливаемого социального содержания и существенным отношением является отношение индивид-общество, где субъектность закрепляется за обществом. Как-то незаметно субъектность в процессах изменения природы оборачивается субъектностью в процессах усвоения и освоения образов и образцов культуры общества. Если в концепции А. Н. Леонтьева субъект-объектный анализ человеческой деятельности приводит к порождающей роли предметности и особенной роли при этом сознания, то в концепции Э. В. Ильенкова уже формопорождение деятельности приводит к социальному содержанию предметного мира и образов, представлений сознания. Субъект представлен либо его сознанием, либо является «органом» общественной целостности, а активной стороной во взаимодействии субъекта и объекта является либо предмет деятельности, либо форма деятельности, находящиеся вне субъекта, то есть субъектность самого субъекта ставится под сомнение.

Г. С. Батищев в логике субъект-объектного анализа деятельности человека увидел не только возведение ее в некую абсолютную субстанцию, что неявно содержит в себе в качестве предпосылки антропоцентризм, но и утверждение логики развития органических систем. В сравнении деятельности с органической системой он увидел многие недостатки и ограничения в развитии человека и общества. Он пишет: «... именно как единственная органическая система деятельность не терпит ничего такого, что не поддавалось бы снятию и обращению в «недостающие ей органы», в нечто служебное и подчиненное ее собственному системообразующему началу. Здесь возможно развитие через повышение организации того же самого начала, но невозможно принятие инородного начала на паритетных, равных условиях, следовательно, невозможно и совершенствование, требующее преодоление самого себя ради чего-то

более совершенного. Деятельность как органическая система своемерна, то есть свое развитие она допускает как укрепление и обогащение себя и как торжество над снятым ею инородным содержанием, вобранным и ассимилированным ею в себе. Она накладывает на мир «заранее установленный масштаб» [1, с. 31]. Г. С. Батищев также отмечает неспособность деятельности к совершенствованию, к саморазвитию, причем видит причину этой неспособности в механизме снятия и подчинения деятельностью снятого содержания, что порождает доминирование своемерия человека, которое не будет удовлетворено, пока не подчинит себе весь мир.

Снятие в органической системе с целью создания «недостающих ей органов» уничтожает в деятельности человека ценностные мотивации и возможности адекватного решения предметных задач «без всякого заранее установленного, своемерного заинтересованно-корыстного, потребностного мерила» [1, с. 174]. Предлагается логика глубинного общения, когда наличие, как минимум, двух субъектов при решении предметных задач нарушает своемерие каждого из субъектов, поскольку они не поддаются редукции друг к другу, поскольку возникает не просто органическая, а гармоническая система. Онтология глубинного общения «обращает нас к логике встречи между субъектами и взаимной сопричастности при соблюдении каждым доминантности на другого, особенно при резкой контрастности типов и уровней культур» [1, с. 323].

Эти идеи перекликаются с другим фундаментальным положением в философии К. Маркса. Размышляя над вопросами – насколько природа стала человеческой сущностью человека, в какой мере потребность человека стала человеческой потребностью, – он пришел к такому ответу: «...в какой мере *другой* человек в качестве человека стал для него потребностью, в такой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии, является вместе с тем общественным существом» [7, с. 587]. Мысль о потребности в другом человеке высказывается в разных вариантах, и на нее обращали внимание многие исследователи. Но для нас важно подчеркнуть только то, что потребность в другом человеке или «доминантность на другого» выражает *меру* человеческого отношения к природе и вместе с тем меру социальности отдельного человека, его индивидуального бытия. И хотя обозначенные главы по исследованию общения и потребности в общении остались у К. Маркса нереализованными, вряд ли кто-то сможет усомниться в реализации формулы – отношение человека к природе опосредовано

отношениями между людьми – во всем последующем его творчестве.

В. П. Зинченко, оценивая исследования по деятельностному подходу в психологии, вполне обосновано заявляет: «Психологическое содержание деятельности не извлекалось из нее, а искусственно вводилось. Например, деятельность плюс мотив (А. Н. Леонтьев); деятельность плюс потребность – нужда (В. В. Давыдов); деятельность плюс мышление – итог – осмысленная деятельность (П. Я. Гальперин), или – мыследеятельность (Г. П. Щедровицкий); деятельность плюс сознание – итог – единство сознания и деятельности (С. Л. Рубинштейн) и т. д. и т. п.» [4, с. 84]. Мы согласны с В. П. Зинченко в том, что отдельные экзистенциалы человека скорее вводились в онтологию деятельностного подхода, а не выводились из нее.

Однако мы считаем, что в концепции С. Л. Рубинштейна уже была намечена и экзистенциальная перспектива деятельностного подхода. При этом проблема человека в философии предстает не как проблема субъекта познания, а как проблема деятельностного способа существования человека в соотношении с его бытием. «Решение этой проблемы направлено против отчуждения как человека от бытия, так и бытия от человека» [10, с. 258]. Если в философском учении о бытии выпадает человек и бытие сводится к его материальности или к миру вещей, то «бытие человека, способ общественного бытия, история – деонтологизируются, выключаются из бытия в силу равенства: бытие = природа = материя» [10, с. 259]. Аргументами против деонтологизации бытия человека, на наш взгляд, могут быть: «вхождение» человека внутрь бытия при наличии объективного отношения человека с миром и обоснование субъектности бытия. Иначе и субъектность человека не будет обоснована и, тем более, его способность преобразования природы, присущая только высшему ее существу.

Здесь мы усматриваем указание на направление научного поиска, указание на решение основных философских вопросов посредством анализа бытия человека.

Если же в философии в учении о познании человек выпадает из бытия и гносеологическое отношение предстает как отношение сознания, мышления к бытию, то устанавливается «ложность равенства человек = субъект = субъективность = кажимость, на основе которого производится философское уничтожение бытия» [10, с. 330]. Аргументами против деонтологизации бытия в учении о познании (или гносеологизации бытия) должны быть не только вхождение сознания, мышления внутрь бытия и наличие гносеологического отношения внутри

бытия, но и обоснование методов и принципов познания в качестве характеристик субъектности бытия человека. Иначе субъектность бытия человека не будет опосредована сознанием, мышлением, тем более не будет обоснована возможность всеобщности и универсальности преобразующей деятельности человека.

И действительно, логическое развертывание поиска приводит С. Л. Рубинштейна к антропологическому методу и принципу Л. Фейербаха, к единству одного человека с другим, хотя автор и не проводит анализа его позиции. Так антропологический метод у С. Л. Рубинштейна представлен в следующей его позиции: «Определение природы и других способов существования (например, мира) может быть понято только через человека. Соотношение природы и другого статуса бытия - «фабрикуемого» предметного мира, создаваемого человеком из материала природы, - может быть понято только через способ существования человека»[4, с.259]. Деонтологизация и гносеологизация бытия человека не дают возможности стать в философии именно человеку «отправной точкой всей системы координат» в познании и преобразовании природы. Но специфика бытия человека не может быть раскрыта без открытых Л. Фейербахом антропологического метода и антропологического принципа.

Бытие человека С. Л. Рубинштейн пытается сформировать как самодостаточное целое, способное к саморазвитию. Для подобного понимания его позиции и направленности анализа, мы считаем, вполне достаточно оснований. Но из этого несомненного достоинства в научном поиске теоретического конструкта, инварианта бытия человека следует и жесткое требование - применение его к описанию социальных процессов, применение к самому бытию. Только в процессах развития бытия человека можно увидеть механизмы самодостаточности и саморазвития его целостности.

Восхождение от сущности к существованию начинается уже с определения их взаимосвязи в самом бытии человека. «В связи с необходимостью расчленять понятия «сущность» и «существование» следовало бы для всего сущего, а не только для человека определить сущность как способ существования»[10, с.275]. С возникновением человека возникает и другой способ существования. Возникает специфика во внутреннем самоопределении и в самодетерминации бытия человека, в отношениях с условиями и обстоятельствами. Наибольшее внимание исследователей по вопросу специфики человеческого существования привлекла у авто-

ра диалектика внешнего и внутреннего, устойчивого и изменчивого.

Общий принцип решения взаимосвязи внешнего и внутреннего сформирован автором еще в работе «Бытие и сознание». Он заключается в соотношении самоопределения и зависимости от другого: внешние условия не прямо и непосредственно определяют конечный результат, а преломляясь через действие внутренних условий, собственную природу данного явления. В работе «Человек и мир» автор вновь возвращается к этому принципу: «Специфика человеческого существования заключается в мире самоопределения и определения другим (в специфическом характере самоопределения в связи с наличием у человека сознания)»[10, с. 280]. Именно в сущности как способе существования автор и усматривает внутреннюю основу изменения явлений в процессе его взаимодействия с другим, именно сущность выступает как устойчивое в явлениях, как опосредующее звено всех этапов процесса изменения явления. «Сущность - это специфическое преобразование внешних воздействий, их преломление определенным образом»[10, с. 282].

Когда Л. С. Рубинштейн рассматривает субъектность человека, тогда им выделяются два основных способа существования человека. Первый - жизнь в пределах непосредственных связей человека с другими людьми, с отдельными явлениями. «Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее. Это решающий, поворотный момент. Здесь кончается первый способ существования»[10, с. 351]. Рефлексия обеспечивает разрыв непосредственных связей жизни и создает новые внутренние условия бытия человека, позволяющие занять позицию над ситуацией, выработать общее отношение к жизни. «От такого обобщенного, итогового отношения к жизни зависит и поведение субъекта в любой ситуации, в которой он находится, и степень зависимости его от этой ситуации или свободы в ней»[10, с. 352]. Выступая против сведения человека к сознанию, мышлению, против первичности отношения сознание - бытие, автор именно в сознании находит и источник выхода за пределы наличной ситуации, и завершение преломления внешних воздействий на внутренние условия, причины, основания, структуры. И, несмотря на это, мы считаем, что именно С. Л. Рубинштейн сделал тот шаг в поиске деятельностного бытия человека, который помогает восстановить интерес философов, педагогов и психологов к

изучению индивидуального уровня деятельности бытия человека.

Ни вещь или опредмеченная деятельность, а индивиды являются началом и концом деятельностного цикла сбывания, они замыкают целостность деятельности в обновлении их общего предмета деятельности. Процесс деятельности и есть процесс обновления индивидов, можно сказать, что это один и тот же циклический процесс, но дело усложняется двоякой направленностью опредмечивания деятельности – как в продуктах деятельности, так и в самих индивидах. Условия и предметное содержание, которые рождаются и в ходе деятельностного процесса, тоже «подчинены» живой деятельности индивидов и опредмечиваются в них. Каждый индивид является носителем одновременно опредмеченной и живой деятельности [8]. И опредмеченная деятельность в индивидах, и опредмеченная деятельность в условиях и средствах деятельности, и предметы (объекты) деятельности «подчинены» живой деятельности индивидов в процессе их деятельностного бытия как со-бытия. Предмет – это источник ответного смысла и слова, чувства и действия. Именно предмет «говорит» об авторе и вопрошает ответного смысла от другого, который как со-участник, со-автор предметного пространства со-бытия домысливает, дорабатывает, дополняет, отрицает... В пространстве со-бытия «предмет от меня» создает у другого ситуацию соотношения его смыслов, чувств, действий с теми, что содержит в себе этот предметный посыл. А ответ другого, также предметно выраженный, создает ситуацию со-участия и со-отношения для меня. В деятельностном со-бытии предметные действия являются необходимыми, но недостаточными для развития индивидов.

Здесь уместно привести важный вопрос Семена Франка, который им поставлен в последней его работе, опубликованной в 1949 году и известной нам в последнее время после опубликования в 2007 году. Вопрос звучит так: «...в какой мере выходение за пределы моего «я» и пребывание внутри него или обладание им самим имеют в последнем счете тождественную природу?» [12, с. 57]. С. Франк настаивает на ошибочности идей всякого индивидуализма, он утверждает наличие сверхвременного единства реальности «во мне» и «вне меня». Трансцендирование и есть выход за пределы себя как чего-то ограниченного. «Сознавать или иметь границу и выходить за нее означает здесь одно и то же» [12, с. 118]. Но выход за пределы самого себя это выход к чему? Ответ такой: «...мы сполна открыты только себе самим – и Богу» [12, с. 118]. То-

гда сверхиндивидуальная основа индивидуального бытия совершенно очевидна. «Она есть то всеобъемлющее и всепронизывающее единство бытия вообще, соучастие в котором конституирует все частно сущее...» [12, с. 60].

Несмотря на получение ответа в решении сложного вопроса при помощи идеи Бога и в рамках сознания, С. Франк настаивает на активном соучастии человека в создании своего субъектного бытия. «Бытие самого субъекта не «субъективно»; не входя в состав объективной действительности, оно остается подлинной, в известном смысле самодовлеющей, прочно утвержденной *первичной реальностью*. Эта реальность гораздо более весома и значительна, чем объективная действительность» [12, с. 45]. Обоснование наличия первичной реальности важно для С. Франка в его метафизике, потому что она позволяет сохранить каждому человеку свое Я на индивидуальной основе. Идея «индивидуальности» человека не исчезает, а усиливается субъектной активностью, соучастием в метафизическом слое бытия человека. «Мы сами есть то, что мы творим в себе» [8, с. 146]. Можно сделать важный для нас вывод о том, что тождество природы пребывания человека «вне» и «внутри» себя достигается, по существу, на основе как субъектности первичной реальности, так и субъектности самого человека в этой первичной реальности.

Индивидуальное бытие как со-бытие, на наш взгляд, и есть та «первичная реальность» С. Франка, которая обеспечивает идентификацию себя и других в своем пространстве и времени, которая сохраняет и развивает относительное тождество внутреннего и внешнего мира индивидуальности в процессах ее сбывания. Не индивидуальности человека противостоит социальная среда и социальное пространство, а индивидуальное бытие как со-бытие опосредует все «внешние» воздействия на индивидуальность.

Человек получает информацию о мире через предметное действие и сознание в концепции А. Н. Леонтьева и Э. В. Ильенкова, через отношение с другим как доминантность на другом в концепции Г. С. Батищева, через соответствие и опосредование внешнего и внутреннего в бытии человека в концепции С. Л. Рубинштейна, через все пять ниженазванных процессов:

1. На когнитивном уровне.
2. На эмоционально-чувственном уровне.
3. На уровне предметного действия.
4. На уровне отношений с другим.
5. Состояние диссонанса как со-ответствие (несоответствие) всех процессов между собой.

Взаимопревращение индивидуальности в бытие, а бытия в индивидуальность есть реальный деятельностный процесс сбывания и развития единства уникального и универсального, особенного и всеобщего, индивидуального и социального. Индивидуальное бытие как со-бытие опосредует внешние воздействия, включая и отражательно-познавательные, и обосновывает вариативное многообразие результатов индивидуализации человека – от негативных до позитивных в одной и той же социокультурной среде [2; 3].

В онтологии деятельностного подхода концепции А. Н. Леонтьева, Г. С. Батищева, С. Л. Рубинштейна, Э. В. Ильенкова обретают смысл необходимых этапов становления его со-бытийной перспективы как в философии, так и в психологии и педагогике.

В образовании доминируют словесно-логические и абстрактно-понятийные механизмы. Со-бытие и его целостность позволяют обратить внимание на ограниченность такого подхода к освоению культуры, поэтому в экзистенциальной перспективе деятельностного подхода необходимо понимать более широкие основания сбывания человека и существенное разнообразие его результатов. Мир открывается человеку через целостность и субъектность его бытия – вот пафос и перспектива обогащения деятельностного подхода.

Другой человек в диалоге не только расширяет пространство моего индивидуального бытия в выходе к нему, но и делает его открытым миру, наиндивидуальным. Другой порождает ситуацию трансцендирования к новым смыслам и ценностям, постоянного выхода за пределы самого себя и наличного бытия. Другой порождает диалог

чувств, знаний, действий, смыслов и ценностей. По существу в циклах диалога, где обратная связь атрибутивна, порождаются не отношения чувств, действий, знаний, смыслов и ценностей двух индивидуальностей, а при доминанте «Для Другого» рождается их со-отношение.

Предметное удвоение индивидуальностей порождает в бытии двойное кольцо движения предметного содержания и дает возможность в отношении между ними проявить субъектность друг к другу. Отношение к самому себе оказывается опосредованным отношением другого ко мне, а отношение к другому опосредовано отношением к самому себе. Возникает со-отношение предметно реализованных индивидуальностей. Со-знание опосредовано само-сознанием, а самосознание – со-знанием; их со-отношение – есть отношение к отношению как идеальное движение предметного содержания внутри со-бытия.

Все суммарные эффекты, происходящие в целостности индивидуального бытия одновременно, именно поэтому продлеваются во времени в процессы осмысления, переживания, общения, предметной самореализации, стыда. Именно в этих понятиях суммарный эффект циклических процессов в целостности со-бытия и получает категориальное оформление в целостности индивидуальности. Целостность со-бытия человека может и должна являться целевым и ценностным ориентиром в образовании. В целостности самой индивидуальности на основе со-отношения смыслов, чувств, целей, действий происходит деятельностное сбывание позиций «Я хочу», «Я знаю», «Я могу», «Я должен».

ЛИТЕРАТУРА

1. Батищев Г. С. // Деятельность: теория, методология, проблемы. М. 1990.
2. Герг В. А. Со-бытийное оформление этапов развития субъектности обучающихся в образовательных процессах // Педагогическое образование и наука. Научно-методический журнал МАНПО, Москва. 2012. № 7. С. 85-92.
3. Герг В. А. Целостность со-бытия индивидуальности человека и принцип природосообразности // Педагогическое образование в России. 2014. № 8. С. 37-42.
4. Зинченко В. П. Психологическая теория деятельности («воспоминания о будущем»). // Вопросы философии, 2001, №2.
5. Ильенков Э. В. Философия и культура. М. 1991.
6. Лекторский В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001., №2.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. 1956.
8. Прямикова Е. В. Компетентностный и деятельностный подходы к школьному образованию: проблемы и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2. С. 192-206.
9. Рубинштейн С. Л. О философских основах психологии. (Ранние рукописи К. Маркса и проблемы психологии) // Проблемы общей психологии. М., Педагогика. 1973.
10. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., Педагогика, 1973.
11. Фельдштейн Д. И. Психолого-педагогическая наука как ресурс развития современного социума // Педагогика. 2012. №1.
12. Франк С. Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. М. : Хранитель, 2007.

Статью рекомендует д-р филос. наук, проф. В. В. Байлук.